

На правах рукописи

БОГУМИЛ Татьяна Александровна

ГЕОПОЭТИКА АЛТАЯ
В СИБИРСКОМ ТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XX – НАЧАЛА XXI ВВ.

Специальность 5.9.1. Русская литература
и литературы народов Российской Федерации

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Барнаул – 2024

Работа выполнена на кафедре литературы института филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет»

Научный консультант: **Куляпин Александр Иванович**,
доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры литературы ФГБОУ ВО «Алтайский государственный педагогический университет».

Оппоненты: **Алексеев Павел Викторович**,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Горно-Алтайский государственный университет».

Анисимов Кирилл Владиславович,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка и литературы ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева».

Тернова Татьяна Анатольевна,
доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской литературы XX и XXI веков, теории литературы и гуманитарных наук ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет».

Ведущая организация: ФГБУН Институт филологии
Сибирского отделения Российской академии наук

Защита состоится «30» января 2025 г. в 11:00 на заседании диссертационного совета 24.2.358.02 в ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» по адресу: 614068, г. Пермь, ул. Букирева, д.15

Электронная версия текста доступна на сайте в ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет»: <http://www.psu.ru>. Электронная версия текста автореферата размещена на официальном сайте ВАК при Министерстве науки и высшего образования РФ: <http://vak.minobrnauki.gov.ru/main> и на сайте ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» <http://www.psu.ru>.

Автореферат разослан «__» _____ 2024 г.

Учёный секретарь диссертационного совета,
доктор филологических наук, доцент

М.А. Ширинкина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Диссертация посвящена исследованию геопозитического образа Алтая в контексте Сибирского текста русской художественной литературы XX–начала XXI веков.

Актуальность заявленной темы обусловлена интересом современного литературоведения и гуманитаристики в целом к проблемам взаимодействия человека с пространством и к литературным текстам как источниками подобной образности. Экзистенциальная потребность личности, социальной группы и нации в самоопределении через установление связей с местом (региональная самоидентичность), обострившаяся в связи с распадом СССР, а в современном мире ставшая тенденцией, противонаправленной процессам глобализации, поддерживает неизменно высокий градус научного внимания к семантике пространства¹. Феномен литературного ландшафта, будучи традиционным предметом изучения филологии, находится на пересечении интересов различных научных дисциплин: географии, культурологии, истории, социологии и др.

Применительно к русской литературе о Сибири актуальность данной проблематики обусловлена дополнительными факторами. Историко-географическое и культурное различие отдельных регионов Сибири настолько велико и малоисследовано, что насущной остается **проблема** характеристики этих топосов в художественной литературе. Хотя образ Алтая в литературоведении рассматривался неоднократно, объектом анализа становились отдельные тексты, как правило, вне широкого историко-литературного контекста. Современное состояние науки требует преодоления фрагментарности, встраивания частных наблюдений в единую структурно-семиотическую систему Алтайского текста. Важность настоящего диссертационного исследования состоит в предпринятой попытке разработать модель описания геопозитики Алтая в русской художественной словесности в рамках значительного временного периода.

Материалом исследования является русская и отчасти русскоязычная художественная литература преимущественно XX – начала XXI веков о Сибири и об Алтае, а также научные труды по этнографии и фольклористике. В качестве необходимого контекста привлекаются тексты XIX века и более ранних периодов. Ядерный корпус изучаемых произведений составляют тексты, включенные в пятитомную антологию «Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв.» (2012). Анализу подлежат не реальные географические объекты, а традиция их

---

¹ Полякова Л. В. Регион как источник творчества и объект науки о литературе // Филологическая регионалистика. 2009. № 1–2. С. 22.

описания, метафоризации и мифологизации, т. е. опыт освоения и преобразования пространства художественным словом.

Масштаб и комплексность исследования обусловлены, с одной стороны, широтой отбора художественных источников, а с другой, – исследование опосредованных литературой объектов территории во всей возможной полноте и единстве.

Объект исследования – Сибирский текст русской литературы XX – начала XXI веков.

Предмет исследования – геопозитический образ Алтая.

Целью исследования является решение фундаментальной научной проблемы: идентификация и описание геопозитической образной модели Алтая.

Геопозитический образ Алтая входит в состав Сибирского текста как важный элемент национальной топики и значимая категория русской литературы. Модель строится на основе компаративного анализа структуры, вариативности, содержательности специфических характеристик Алтая в русской литературе XX – начала XXI веков (преимущественно). Выявление мотивно-образного комплекса, связанного с Алтаем в его природно-географической и социально-исторической ипостасях, реализуется в единстве трех базовых аспектов художественного образа: гносеологического (отображение), онтологического (осмысление) и аксиологического (оценка) подходов к действительности.

Цель работы диктует решение следующих **задач**:

- характеристика модели художественного пространства Алтая в «вертикальном» (дендропоэтика и монтанистика) и «горизонтальном» (образы рек и Чуйского тракта) измерениях;
- систематизация мотивно-сюжетного комплекса, связанного с пространством Сибири, описание индивидуально-авторских и типично алтайских проявлений общесибирских сюжетов;
- выявление универсальной историко-культурной модели сибирских городов, анализ соотношения типичного и уникального в литературных образах городов Алтая;
- определение специфики «антрополокального единства» (В. Н. Топоров) писателя и места (Сибирь, Алтай, Барнаул) сквозь призму творчества, фактов биографии и литературных портретов В. М. Шукшина и В. Г. Шершеневича.

Методология. В работе использованы приемы и методы семиотики и структурной поэтики (теория «локальных текстов»), компаративистики, интертекстуального и мифопоэтического подходов, мотивного анализа, учтены современные открытия в области геопозитики и геокультурного подхода.

Многоаспектный феномен Алтайского текста как регионального сверхтекстового единства требует особой методологии, отличной от методологии исследования городских сверхтекстов. Очевидным образом разница вытекает из количественных и качественных показателей объекта исследования. Пространство региона включает в себя города, то есть городской текст входит в региональный сверхтекст. В городе доминируют антропогенные составляющие, тогда как геопоэтический образ региона основывается в первую очередь на природных характеристиках. Ориентирующим опытом представления результатов исследования регионального сверхтекста и образа региона является композиция, использованная для демонстрации итогов изучения Северного текста русской литературы², в значительной степени применимая к характеристике как Сибирского, так и Алтайского сверхтекстов: от описания пространственной организации художественного мира через мотивно-сюжетную и жанровую составляющую хронотопа к городским текстам и локально значимым именам.

Методологическую базу исследования составили труды предтеч, основателей и последователей теории локального текста (Н. П. Анциферов, Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Н. Е. Меднис, Н. В. Серебренников, С. А. Голубков, А. П. Люсый, Е. Ш. Галимова и др.), а также геопоэтического подхода (Д. Н. Замятин, В. В. Абашев, О. А. Лавренова, О. Н. Александрова-Осокина и др.), исследования о Сибирском тексте и литературе Сибири (В. И. Тюпа, Б. А. Чмыхало, А. П. Казаркин, Е. К. Ромодановская, Т. Л. Рыбальченко, А. С. Янушкевич, И. В. Силантьев, Ю. В. Шатин, С. А. Комаров, К. В. Анисимов, Е. Н. Эртнер, В. С. Киселев, Н. В. Ковтун, Н. Ю. Замятина, Е. А. Папкина, Е. Н. Проскурина, А. А. Забияко, Н. А. Непомнящих и др.), публикации об образе Алтая в русской литературе (А. И. Куляпин, С. М. Козлова, О. Г. Левашова, П. В. Алексеев, Т. П. Шастина, М. П. Гребнева, И. А. Жерносенко, В. В. Десятов, Д. В. Марьин, О. А. Скубач, И. А. Бедарева, Е. А. Худенко и др.).

Степень разработанности проблемы. В самом широком охвате темы следует обозначить, что сдвиг культурной парадигмы от истории (времени) к географии (пространству) произошел, когда британский географ Х. Дж. Макиндер заложил основы геополитики, а Велимир Хлебников – геопоэтики. Пространственный поворот гуманитарного мышления был спровоцирован размышлениями о масштабах России. Главный стереотип о стране, сформулированный в литературе 1830–40-х годов, – концепт дали, шири, безграничности – ассоциировался с особенностями русской души. В начале XX века русская литература обнаружила неоднородность собственного пространства, возникла потребность в

---

² Северный текст как логосная форма бытия Русского Севера. Т. 1. Архангельск: ИМИДЖ–ПРЕСС, 2017. 410 с.

воссоздании территориального и этнического многообразия России, в расширении символических репрезентаций страны. Появились ученые-краеведы (И. М. Гревс, Н. К. Пиксанов, Н. П. Анциферов и др.). Советская культура взяла курс на нивелировку региональных различий, фактически уничтожив сложившуюся было краеведческую школу³.

В конце XX века представители тартуско-московской школы (Ю. М. Лотман, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян и др.) ввели понятие «городского текста» и разработали методологию его исследования. После работы В. Н. Топорова о Петербургском тексте русской литературы (выход статьи в 1980-е годы совпал с началом распада СССР и обострением стремления людей к территориальной самоидентификации) в литературоведении произошла своего рода «текстуальная революция», т. е. «повсеместное и целенаправленное учреждение локальных “текстов культуры” разного уровня и масштаба»⁴. Вслед за Петербургским текстом с разной степенью убедительности были выявлены и описаны другие русские столичные (Московский, Киевский) и провинциальные (Пермский, Волжский, Саратовский, Самарский, Вятский, Елецкий, Муромский, Липецкий, Воронежский, etc.), а также иностранные (Венецианский, Римский, Лондонский, Ташкентский, etc.) городские тексты; альтернативные урбанистическому формы организации пространства (усадебный текст, дачный миф); объект изучения расширился от города до региона (Крымский, Кавказский, Уральский, Сибирский, Северный текст) и глобального метарегиона (Восточный, Западный текст). Подчеркнем, что употребление термина «локальный текст» не вполне оправдано в ситуации объединения текстов в группу только на основании отнесенности к какому-либо месту. Далек не каждый локус обладает тем комплексом качеств и достигает той степени осознания в художественной и научной литературе, что Петербург. Локальный текст бытует как сверхтекстовое единство – «сложная система интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»⁵. Помимо терминов «текст» и «сверхтекст» используются понятия «метатекст», «гипертекст», «мегатекст»⁶.

---

³ *Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география: Урал в геопэтике России // Вестник Пермского университета. 2012. № 2 (12). С. 143–146.

⁴ *Люсый А. П.* «Опознание локальных текстов культуры»: концепция учебного курса // Человек. Культура. Образование. 2011. С. 95. См. также: Локальные тексты русской литературы и культуры : учебное пособие / В. С. Лобарева, Т. А. Бахор, О. Н. Зырянова [и др.]. Красноярск : Сибирский федеральный ун-т, 2019. 107 с.

⁵ *Меднис Н. Е.* Сверхтексты в русской литературе. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2003. URL: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 09.03.2023).

⁶ См. обзор в: *Молчанова Д. А.* К вопросу о природе политекстуальных комплексов в литературе // *Studia Litterarum*. 2021. Т. 6. № 3. С. 40–55.

В современных гуманитарных и естественных дисциплинах активно разрабатываются междисциплинарные направления, ставящие в центр внимания категорию пространства: филологическая (литературная) регионалистика, культурная география, сакральная география, культурное ландшафтоведение, мифогеография, геокультурология, геопоэтика и др.⁷ Термин «геопоэтика» вошел в научный дискурс в 1970-е годы с подачи писателя, путешественника и ученого К. Уайта. В России первопроходцами этого направления в середине 1990-х годов стали Игорь Сид, Д. Н. Замятин, В. В. Абашев и др.⁸ Не углубляясь в нюансы каждого из существующих на сегодняшний день определений геопоэтики, обозначим сугубо филологический подход, разрабатываемый В. В. Абашевым, согласно которому понятие «фиксирует сам момент взаимодействия и единства земного пространства (гео) и организующей его культурной формы (поэтика)»⁹. Предметом геопоэтики являются «образы географического пространства в индивидуальном творчестве» и «локальные тексты (или сверхтексты)»¹⁰. Под геопоэтическим образом понимается «символический образ территории как единого целого», который формируется, «когда территория, ландшафт ... становятся предметами эстетической и философской рефлексии»¹¹. Главное отличие теории локальных текстов от геопоэтического подхода состоит в приоритете структуры пространства в первом случае и доминанте образно-символической фактуры – во втором¹².

В филологии специфику темы Сибири впервые обозначил Ю. М. Лотман. В русской классической литературе регион предстает как пространство ада, символической смерти и возрождения¹³. Опираясь на эту концепцию, существенно

---

⁷ Например: *Замятин Д. Н.* Гуманитарная география: Пространство и язык географических образов. СПб.: Алетея, 2003. 331 с. ; *Он же.* Метагеография: Пространство образов и образы пространства. М.: Аграф, 2004. 506 с. ; *Он же.* Культура и пространство. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2013. 488 с. ; *Полякова Л. В.* Филологическая регионалистика как наука // Вопросы литературы. 2015. № 3. С. 186–201 ; *Она же.* Филологическая регионалистика как наука: к постановке проблемы // Филологическая регионалистика. 2015. № 3–4. С. 7–16 ; *Желтова Н. Ю.* Литературная регионалистика. Тамбов: ИД Державинский, 2021. 152 с.

⁸ Обзор исследований в русле геокультурного и геопоэтического подходов см. в: *Эртнер Е. Н.* Геокультурный подход к исследованию пространственной образности русской литературы // Вестник Тюменского государственного университета. 2011. № 3. С. 6–12 ; *Александрова-Осокина О. Н.* Вопросы геопоэтики в современном литературоведении // Научный диалог. 2020. № 5. С. 216–241.

⁹ *Абашев В. В.* Русская литература Урала. Проблемы геопоэтики. Пермь: Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 2012. С. 54.

¹⁰ Там же. С. 18.

¹¹ *Абашев В. В., Абашева М. П.* Литература и география... С. 143.

¹² *Абашев В. В.* Русская литература Урала. С. 15.

¹³ *Лотман Ю. М.* Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство–СПб, 1997. С. 723–725.

её уточнив и дополнив, В. И. Тюпа ввел в научный оборот понятие «Сибирский текст»¹⁴. Между тем самые ранние произведения о Сибири задавали позитивный – раеподобный – образ завоеванного пространства, что первыми отметили специалисты по летописанию. Обобщив наблюдения литературоведов, К. В. Анисимов создал непротиворечивую модель Сибирского текста, включающую «негативный» и «позитивный» варианты, а также их инвариант: сюжетную ситуацию «перехода» в неизведанный мир, идеологически подкрепленную ощущением новизны приобретаемого опыта¹⁵.

В настоящее время общую характеристику Сибирского текста и образа Сибири в русской литературе можно считать завершенной. Успехи сибиреведения отмечены двухтомными «Очерками литературы Сибири» (1982), фундаментальными сериями «Литературное наследие Сибири» и «Литературные памятники Сибири». В научный оборот вошли имена многих авторов, собраны и опубликованы ранее недоступные произведения, систематизирована библиография, описан литературный процесс. Факт существования сибирской литературы и Сибирского текста уже не является дискуссионным, о чем свидетельствуют названия и содержание сборников по материалам конференций и монографий¹⁶.

Однако подобно той дифференциации, что произошла в начале XX века с единым культурным стереотипом о России, своеобразии отдельных регионов Сибири – ландшафтное, этнографическое, историческое и т. д. – получило отражение в художественных произведениях и поспособствовало формированию более

---

¹⁴ Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

¹⁵ Анисимов К. В. Парадигматика и синтагматика «Сибирского текста» русской литературы // Сибирский текст в русской культуре. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. Вып. 2. С. 60–76.

¹⁶ Чмыхало Б. А. Молодая Сибирь: регионализм в истории русской литературы. Красноярск: КГПИ, 1992. 200 с.; Серебренников Н. В. Проблемы и перспективы русской провинциальной литературы. Великий Новгород: Изд-во НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2000. 86 с.; Сибирский текст в русской культуре. Томск: Сибирика, 2002. 270 с.; Сибирь. Литература. Критика. Журналистика. Новосибирск: СО РАН, 2002. 253 с.; Сибирь в контексте мировой культуры. Опыт самоописания. Томск: Сибирика, 2003. 215 с.; Сибирь: взгляд извне и изнутри. Духовное измерение пространства. Иркутск: ИМИОН, 2004. 327 с. URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sbornik_Sib/ (дата обращения: 15.05.2023); Сибирский текст в русской культуре. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. Вып. 2. 274 с.; Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2010. 234 с.; Сибирская идентичность в зеркале литературного текста: тропы, топосы, жанровые формы XIX–XX вв. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 382 с.; Сибирско-французский диалог XVII–XX веков и литературное освоение Сибири. М.: ИМЛИ РАН, 2016. 447 с.; Комаров С. А., Лагунова О. К. Литература Сибири: миссия, этничность, аксиология. Тюмень: Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2016. 200 с.; Сибирь как поле межкультурных взаимодействий: литература, антропология, историография, этнология. М.: ИМЛИ РАН, ООО ИЦ «Азбуковник», 2021. 496 с.; Литература Сибири в социокультурном пространстве. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2022. 363 с.

узкой направленности исследовательского интереса: выделению локальных текстов внутри Сибирского.

Термин «Алтайский текст» был введен в научный оборот в начале XXI века организаторами и участниками научного семинара «Алтайский текст в русской литературе второй половины XIX – начала XX в.» (Алтайский государственный университет, Барнаул). Далее на ту же тему были проведены научные семинары и конференции, материалы которых составили содержание серии сборников «Алтайский текст в русской культуре» (на настоящий момент 10 выпусков). Особенно активное участие в изучении образа Алтая в литературе принимали ученые вузов Барнаула, Бийска, Горно-Алтайска. Свообразными пиками пройденного исследователями пути стало издание антологий «Образ Алтая в русской литературе XIX – XX вв.» (Барнаул, 2012) и «Ойротия в зеркале литературы» (Горно-Алтайск, 2020). Профессиональный отбор художественных произведений об Алтае существенно облегчил процесс изучения истории формирования локального текста и образа территории, ее геопоэтики.

Несмотря на два десятилетия изучения Алтайского текста русской литературы и наличие значительного количества частных наблюдений об образе Алтая в творчестве писателей, в литературоведении до сих пор не существует целостной концепции исследуемого объекта. Существует потребность детального и системного понимания составляющих образа Алтая в контексте Сибирского текста русской литературы. Необходима научная артикуляция выработанной в художественной словесности культурно-географической модели Алтая – одного из самых ярких локусов Сибири и всей России. Кроме того, требует доказательства оправданность использования термина «Алтайский текст», изначально употребленного скорее интуитивно, как дань научной моде, а не строго аргументированное понятие.

Исследование геопоэтического образа Алтая предполагает, во-первых, уточнение территориальных границ Алтая; во-вторых, выявление мифологического ядра, из которого вырастает мифопоэтический образ региона в литературе; в-третьих, изучение различных уровней художественной картины мира: пространственно-временной организации (в сфере природной и антропогенной), сюжетики, системы образов и лейтмотивов и пр. Важным в характеристике образа Алтая является учет точки зрения писателя – «внешней» или «внутренней» по отношению к данному региону (имагологическая проблематика). В настоящем

исследовании за пределами внимания остался образ сибирского этноса – коренного населения и русских сибиряков, сформировавшихся в результате преобразования переселенцев под влиянием местной природы и истории¹⁷.

Гипотеза. Алтайский свертхтекст как субтекст входит в систему Сибирского свертхтекста, совпадая с ним в базовых чертах. Специфика Алтайского свертхтекста и уникальность геопоэтического образа Алтая на литературной карте Сибири и всей России связана не столько с индивидуально-авторским опытом описания региона, сколько с типологическими, универсальными характеристиками, вариативно повторяющимися в показательном ряду произведений.

Регион понимается как обширное географическое образование, обладающее общностью естественных и исторически сложившихся особенностей, выделяющих данную территорию на ментальной карте страны. Алтай – достаточно крупный географический объект, на его территории могли бы разместиться несколько государств мира. Однозначно определить границы региона трудно. С точки зрения физической географии, Алтай – одна из крупнейших горных систем Азии и окрестные степи. На политической карте территория Алтая входит в состав четырех государств: России, Казахстана, Китая, Монголии. Интересующий нас русский Алтай – это Алтайский край и Республика Алтай. Административные границы исторически изменчивы и не совпадают с физическими границами региона. Так, земли Алтайского края входили в состав Сибирской губернии (1709–1779), Колыванской области (1779–1783), Колыванской губернии (1783–1796), Тобольской губернии (1796–1804), Томской губернии (1804–1917), Алтайской губернии (1917–1925), Сибирского края (1925–1930) и Западно-Сибирского края (1930–1937). Современный Алтайский край – это юго-восток Западной Сибири, граничащий с Казахстаном на юге и западе, на севере и северо-востоке – с Новосибирской и Кемеровской областями, на юго-востоке – с Республикой Алтай. В 1991 году Горный Алтай вышел из состава Алтайского края в качестве отдельного субъекта РСФСР¹⁸.

---

¹⁷ Исследования в этом направлении ведутся представителями различных гуманитарных дисциплин. См. например: Сибирь. Проблемы сибирской идентичности. Санкт-Петербург: Астерион, 2003. 274 с. ; Сибирская ментальность и проблемы социокультурного развития региона. Санкт-Петербург: Астерион, 2007. 321 с. ; Сибирский характер как ценность. Красноярск: КГПУ им. В. П. Астафьева, 2011. Т. 4. 248 с. ; Alekseev P. V., Alekseeva A. A., Braeckman F. 'Tartars' and 'Kalmuks' in Prince San Donato's Siberian Travelogue // *Mir Nauki, Kultury, Obrazovaniya*. 2020. No. 3 (82). Pp. 555–557 ; *Козлова С. М.* «Тайжане» В. Шишкова и «чудики» В. Шукшина: к проблеме сибирской идентичности // *Литература Сибири в социокультурном пространстве*. С. 86–92.

¹⁸ *Демин М. А.* Историческое краеведение: некоторые вопросы теории и терминологии // *Природа и культура Алтая в современном школьном образовании*. Барнаул: АРТИКА, 2009. С. 26.

При первом приближении специфика образа Алтая и Алтайского текста в русской литературе связана с природными, историческими и социальными обстоятельствами. Природные условия Алтая отличаются разнообразием. Рельеф Алтайского края горный и равнинный; Республики Алтай – преимущественно горный. Климат неоднородный, что связано с многообразием географических условий. В сознании далекого от региона человека различия Республики Алтай и Алтайского края часто стираются, образуя единое историческое и социокультурное пространство. С этим связано, в частности, разочарование, охватившее Н. М. Рубцова при посещении Алтайского края в 1966 году. Он ожидал увидеть «алтайскую Швейцарию»: солнце, горы, стремительные реки, тайгу, – знакомые ему по литературе об Алтае, а столкнулся с привычным среднерусским пейзажем¹⁹.

В связи с особенностями природы и истории освоения Алтая, особенно Горного, в литературе возникает круг типичных сюжетов, основанных на противостоянии человека и природы, цивилизации и природы²⁰.

Процесс освоения русскими Алтая (как и всей Сибири) связан с концепцией фронта, т. е. «места или момента встречи двух культур разного уровня развития (“подвижная граница”»)²¹. В художественно-этнографических очерках XIX века сатирически изображается произвол властей по отношению к униженному алтайцу или российскому переселенцу²². В текстах миссионеров на Алтае происходит встреча православия и язычества, культуры и дикости, это «место спасения души и место борьбы за каждую новую православную душу, это горный

---

¹⁹ Скубач О. А. Рубцов–1966: алтайское лето в творчестве Н. М. Рубцова // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. 5. С. 124.

²⁰ Левашова О. Г. Топос «Алтай» в «Алтайском альманахе» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 39 ; Она же. Алтай и вся Сибирь в «Алтайском альманахе» (1914) / О. Г. Левашова // Сибирская идентичность... С. 145–152.

²¹ Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005. С. 16. Теория фронта стала зоной пересечения историко-культурных концепций освоения Сибири и Америки (Американский и сибирский фронт. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1997. 304 с. ; Замятина, Н. Ю. Сибирь и Дикий Запад: образ территории и его роль в общественной жизни // Восток. 1998. № 6. С. 5–19).

²² Левашова О. Г. Образ Алтая в русской литературе XIX века // Филология и человек. 2011. № 4. С. 128 ; Она же. Образ Алтая в художественно-этнографическом очерке XIX века // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2013. Вып. 5. С. 79.

мир (Афон) и райский сад. Насельники этого мира – самоотверженные миссионеры и дети природы – алтайцы-язычники»²³. В соцреалистических произведениях воспевался процесс ликвидации автохтонной культуры Алтая²⁴. Русскоязычная литература Горного Алтая, как убедительно показала Л. Г. Чащина, может быть охарактеризована термином «культурное гнездо» (Н. К. Пиксанов). Сочетание традиций русской классической литературы, установок Алтайской духовной миссии и алтайской фольклорно-мифологической системы сформировало основные параметры литературы Горного Алтая²⁵. Опора на фольклорно-мифологическое наследие аборигенов, особенно важная в литературе Горного Алтая, оказала мощное влияние и на литературу Алтайского края.

Уникальным фактом истории освоения Алтая Россией является особый статус региона с 1747 по 1917 годы. В этот период Алтайский горный округ, в состав которого входила территория современного Алтайского края, Республики Алтай, части Новосибирской, Кемеровской, Омской, Томской областей, восточной части Республики Казахстан, был собственностью царской семьи. Кабинетные земли, за некоторым исключением, не подлежали «штрафной» колонизации, т. е. уголовной и политической ссылке, что, конечно, существенно отличало Алтай от Сибири и делало неактуальным основной сюжет сибирской литературы об искуплении преступления каторжными страданиями и последующем воскрешении.

Конфискация земель Демидовых императрицей Елизаветой Петровной в 1747 году была связана с открытием на Алтае залежей серебряной и золотой руды²⁶. Драгоценный металл добывался для царской казны, а с начала XIX века – всеми желающими, что породило «золотую» и «серебряную» линии в литературе об Алтае, впервые одически упомянутые М. В. Ломоносовым²⁷. В реалистической литературе эта тема сопрягалась с темами обогащения, казнокрадства, «золотой лихорадки» и уголовных преступлений²⁸. Соответственно, вновь стал востребованным «негативный» вариант Сибирского текста.

---

²³ *Чащина Л. Г.* Забытые имена: Алтай как мир миссионеров и язычников в творчестве А. И. Макаровой-Мирской // Алтайский текст в русской культуре. Вып. 5. С. 148.

²⁴ *Казаркин А. П.* Жанровый контекст романа «Чураевы» // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2004. Вып. 2. С. 16.

²⁵ *Чащина Л. Г.* Русская литература Горного Алтая: Эволюция. Тенденции. Пути интеграции. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2003. 252 с.

²⁶ *Бородаев В. Б., Контев А. В.* Начало промышленного освоения Рудного Алтая А. Н. Демидовым в 1726 году // Россия, Сибирь и Центральная Азия: взаимодействие народов и культур. Барнаул: Аз Бука, 2003. С. 32–47.

²⁷ *Козлова С. М.* Алтайский текст в русской поэзии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2002. Вып. 1. С. 15.

²⁸ *Левашова О. Г., Черняева Т. Г., Никитина М. Г.* Литературная жизнь Алтая // История Алтая. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1995. Ч. 1. С. 386–389.

Значительное место в литературе Алтая и об Алтае занимает старообрядческая легенда о Беловодье, утопической стране на востоке России, где сохранилась «древлеправославная» вера, не затронутая реформами патриарха Никона (середина XVII века). Происхождение легенды, помимо прочего, связывается с русским освоением земель по берегам реки Бухтармы на Алтае. Исследованию этого тематического пласта посвящен анализ текстов В. Я. Шишкова, А. Е. Новоселова, В. Я. Зазубрина. В XX веке Алтай осмысливается Н. К. Рерихом как место утопической Шамбалы, «пуповина» между Небом и Землей, колыбель мира. Позитивный ореол Алтая во многом обусловлен этимологией топонима, связанной с семантикой золота, высоты²⁹ и начала: «В слове “Алтай” заключен сокровенный смысл – “Золотой престол Бога”, центр мироздания, основа Бытия»³⁰. «Избраннический» статус региона востребован современной алтайской неомифологической прозой А. В. Коробейщикова и В. Н. Токмакова, обыгрывающей мотивы апокалипсиса / спасения.

Активное переселение крестьянства в 1860–1880-е годы из средней полосы России преимущественно на Алтай можно считать временем возникновения аграрного мифа, окончательно сформировавшегося уже в советское время, после Великой Отечественной войны 1941–1945 годов: «...когда стратегическое значение Алтая как места эвакуации (заводов и людей) сошло на нет <...> Алтай начинает манифестировать себя как край с сельскохозяйственной спецификой, точнее – край хлеборобов»³¹. Восприятие Алтая как «житницы Сибири», подкрепленное освоением целинных и залежных земель с 1954 года, надолго предопределило семантический ореол Алтая. Показателен экспромт поэта И. Е. Фролова, ставший заголовком одной из газетных статей того времени: «От Кулунды до Кош-Агача одна задача – хлебодача!». Целинная тема определяла особую поэтику художественных произведений, соотнесенную с соцреалистическим каноном³².

На рубеже 1950–1960-х годов восприятие Алтая как преимущественно горного пространства достраивается картиной степного, равнинного региона; в повести для детей В. С. Сидорова «Тайна белого камня» создается особый «обской миф»; в творчестве В. М. Шукшина появляются тексты о главной дороге Алтая – Чуйском тракте³³. Как и в советской литературе в целом, в литературе Алтая в

---

²⁹ Чувакин А. А. Концепт «Алтай» в художественной прозе К. Г. Паустовского // Филология и человек. 2016. № 2. С. 11–20.

³⁰ Жерносенко И. А., Балакина Е. И. Культура Сибири и Алтая. Барнаул: Студия Станислава Жерносенко, 2013. С. 28.

³¹ Куляпин А. И., Скубач О. А. Алтай в пространстве советской утопии // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. Вып. 3. С. 48–49.

³² Скубач О. А. Два лика Алтая в литературе 1950–1960-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв.: в 5 т. Т. 4. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. С. 7.

³³ Там же. С. 5–24.

конце 1960–1970-е годов наблюдается возрождение интереса к теме Гражданской войны; в конце 1980–1990-х годов активизируется экологическая тематика³⁴. В 2000-е годы на первый план выходит осмысление результатов «перестройки» и тема «потерянного поколения».

Таким образом, уникальные природные параметры региона (лесостепь и горы), историческая его специфика (отсутствие штрафной колонизации, золотодобыча, локализация староверческого Беловодья, симбиоз русской и автохтонной культур и др.) дают основание говорить о наличии устойчивых признаков Алтая, лежащих в основе его геопоэтики. Повторяемость образов, мотивов, сюжетов, выраженная в сходных лексических формах, позволяет согласиться с существованием «Алтайского текста».

Научная новизна исследования определяется его масштабом и центральной проблемой: обобщены и систематизированы данные, полученные на основе панорамного охвата литературного материала XX – начала XXI веков и в меньшей степени XIX века, в результате чего изучены отдельные аспекты образа Алтая, ранее не становившиеся предметом исследовательского интереса. Разработана структурно-семиотическая модель Алтая, охватывающая сферы природы (флора, гидросфера, рельеф) и человека (города, дороги, сюжеты, *genius loci*). Таким образом, впервые целостно охарактеризована геопоэтическая образность одного из специфичных субтекстов Сибирского текста.

Кроме того, новизна связана с выраженным междисциплинарным характером исследования. Решение поставленных задач учитывает не только данные литературоведения и фольклористики, но и истории, географии, биологии. Широкой теоретической рамкой исследования стали методы культурной антропологии и семиотики культуры с включением филологических, исторических, социологических и других гуманитарных научных практик.

Теоретическая и практическая значимость. Полученные в процессе исследования научные результаты позволят конкретизировать имеющиеся представления о территориальной дифференциации Сибирского текста русской литературы. Предлагаемая модель описания геопоэтического образа Алтая и Алтайского текста может быть востребована при характеристике других локальных текстов регионального масштаба. Обозначенные в исследовании мотивно-образные и сюжетные универсалии дают необходимый типологический контекст для дальнейшего анализа поэтики художественных произведений об Алтае и интерпретации полученных наблюдений.

---

³⁴ *Марьин Д. В.* Алтай в литературе 1970–1980-х гг. // Образ Алтая в русской литературе XIX – начала XX вв.: в 5 т. Т. 5. Барнаул: ИД «Барнаул», 2012. С. 9–10.

Представленные в диссертации наблюдения, примеры анализа текстов могут быть использованы в вузовских курсах по истории русской литературы XX – XXI веков, литературному краеведению и музееведению.

Практическое приложение исследования связано с жизненно важной в условиях глобализации потребностью человека в самоопределении и самоидентификации – национальной, исторической, территориальной. В образовательно-воспитательной деятельности результаты исследования могут способствовать углублению литературно-краеведческих знаний учащихся школ и студентов, что обеспечивает культурную преемственность и формирует чувство патриотизма. Прикладное использование результатов диссертации возможно в сфере туризма (экскурсии, формирование литературных ландшафтов), в социально-культурной, производственно-коммерческой и иной деятельности, где возникает потребность в создании и обосновании бренда, имиджа, символики Алтая. Особенно это актуально в свете последних изменений туристических потоков россиян.

Степень достоверности полученных результатов обеспечивается системно-комплексным подходом в решении проблемы с опорой на фундаментальные литературоведческие исследования, широтой охвата анализируемого материала, применением в процессе исследования традиционных и современных методов и приемов.

Положения, выносимые на защиту:

1. Вертикальная и горизонтальная художественная организация алтайского пространства задается традиционными вариантами Мировой оси (дерево, гора) и взаимозаменяемыми образами реки/дороги. Ключевыми дендрообразами Алтая являются береза (Россия), кедр (Алтай) и лиственница. Главная гора Алтая – Белуха. Реки Алтая (Обь, Бия, Катунь, Чуя) образуют наиболее разработанную мифологическую и литературную систему образов, мотивов и сюжетов, существенным представляется двойничество реки и дороги (Чуйский тракт). Индивидуально-авторские образы варьируют универсальные мифологические мотивы, конкретизированные региональными маркерами.

2. Мотивно-сюжетный комплекс Сибирского текста включает в себя сюжеты, преимущественно связанные с Алтаем (Беловодье) или разработанные на алтайском материале. Ядерным мотивом этих сюжетов является событие преобразующего испытания, что обуславливает популярность житийной и сказочной жанровой модели. Отдаленность и изолированность Алтая от Центральной России актуализирует (анти)утопические мотивы.

3. Историко-культурная модель сибирского города перекликается с Петербургским и провинциальным текстом русской литературы. Типичная метафора сибирского города возникает в диапазоне от «края» до регионального «цен-

тра» или провинциальной «глуши». Уникальный образ алтайского города создается с опорой на астионим, локальную мифологию, историко-географический контекст.

4. Взаимодействие писателя и места в аспекте филологического краеведения отражено в фактах биографии известной личности, которые отмечены в литературных портретах, входящих в геопоэтический образный арсенал локального текста. Провинциальные писатели склонны проецировать судьбу земляка или столичного автора, связанного с городом и краем, на свою жизнь и литературную карьеру.

5. Структурно-семиотическая модель Алтая, сложившаяся в результате анализа произведений русской литературы XX – начала XXI веков, включает в себя уровень природного и антропогенного ландшафта, мотивно-сюжетный уровень и персонажный уровень (в т. ч. образы локально значимых исторических лиц).

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждались на заседаниях кафедры литературы Алтайского государственного педагогического университета, на научных семинарах «Геопоэтика писателей Сибири и Алтая» (Барнаул, 2016, 2017); на конференциях: Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция «Язык, литература и культура в региональном пространстве» (Барнаул, 2010); Международная научно-практическая конференция «Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции» (Барнаул, 2011, 2013); Всероссийская научно-практическая конференция «VIII Кирилло-Мефодиевские чтения» (Ишим, 2016); Всероссийская научная конференция «Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона» (Тамбов, 2016); Международный научный симпозиум «Русский вектор в мировой литературе: крымский контекст» (Симферополь, 2016, 2017, 2018, 2021); Международная научно-практическая конференция «Алтайский текст в русской культуре» (Барнаул, 2015, 2017, 2021, 2023); Всероссийская с международным участием научная конференция «Русская литература в современном культурном пространстве: Детство в литературе и литература о детстве» (Томск, 2018); Международный научный форум «Алтайский фронт В. М. Шукшина: нравственность, витальность, языковой уклад» (Барнаул, 2019); Международный научно-образовательный форум «Человек, семья и общество: история и перспективы развития», Международная научно-практическая конференция «Русский язык и литература в поликультурной среде» (Красноярск, 2019); Международная конференция «Маргиналии-2019: границы культуры и текста» (Осташков, 2019); Всероссийская научная конференция «Поэтика – семиотика – риторика: верто-

град Ю. В. Шатина» (Новосибирск, 2020); X Всероссийская научная конференция с международным участием «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2020); Всероссийская научная конференция с международным участием «Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ» (Барнаул, 2020); Всероссийская научная конференция с международным участием к 85-летию НГПУ Третьи Чумаковские чтения «Текст и контекст» (Новосибирск, 2020); Международная научная конференция «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков» (Архангельск, 2020); Международная научная конференция «Современная русская утопия: трансформация метажанра» (Красноярск, 2020); Международная научно-практическая конференция «Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития» (Казахстан, Актобе, 2021); Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Литература Сибири в социокультурном пространстве» (Иркутск, 2021); Всероссийская научная конференция с международным участием «Северный текст русской литературы: автор – герой – читатель» (Архангельск, 2021); XIV Межрегиональная научно-практическая конференция имени И. К. Шалаева «Управление инновационными процессами в образовании: современные тенденции и перспективы гуманитарного образования» (Барнаул, 2022); Всероссийская научная конференция «Сюжетология / сюжетология – 8, 9» (Новосибирск, 2022, 2023); VIII Международная конференция «География искусства» (Москва, 2022); Международная научно-практическая конференция «Мухтар Ауэзов и национальная цивилизация» (Казахстан, Семей, 2022); Всероссийская научная конференция «Воронежский текст русской культуры: литературная критика, театральное рецензирование, литературно-критические журналы» (Воронеж, 2022); Всероссийская конференция, посвященная 75-летию профессора, д. ф. н. С. А. Голубкова, «Поэтика и метагеография» (Самара, 2022); X Международная научно-практическая конференция «Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях» (Казахстан, Караганда, 2023); II Асеевская международная научная конференция «Феномен региональной культуры и литературы» (Тамбов, 2023); XXIX Международные Кирилло-Мефодиевские Чтения «Христианство и нравственные вызовы современности» (Белоруссия, Минск, 2023); XI международная научная конференция «Евангельский текст в русской словесности» (Петрозаводск, 2023); Международная научная конференция «Маргиналии – 2023: границы культуры и текста» (Арзамас, 2023); Всероссийская научная конференция с международным участием «Региональные столицы России – точки опоры и роста» (Екатеринбург – Пермь, 2023); XI Международная научная конференция «Национальные коды в языке и литературе» (Нижний Новгород,

2023); Международная научно-практическая конференция «Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция» (Ярославль, 2023).

Отдельные результаты исследования вошли в лекционный и практический материал курсов «Литературное краеведение», «Региональная литература» для студентов-филологов АлтГПУ. Кроме того, результаты работы были представлены в средствах массовой информации: лекция на телеканале «Толк», интервью на телеканале «Катунь 24»³⁵.

Основные положения диссертационного исследования отражены в 50 публикациях общим объемом 31,4 п. л., из них главы в 3 коллективных монографиях, 20 статей в журналах из Перечня рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ, и 27 статей в других научных изданиях (в том числе 8 в журналах Web of Science и/или Scopus).

Структура исследования. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка сокращений и списка литературы, включающего 595 наименований. Объем работы – 373 страницы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обоснована актуальность темы диссертации, представлена степень разработанности темы; разграничены предмет и объект исследования; сформулированы его цель и задачи, обоснована методология работы, а также ее научная новизна; перечислены положения, выносимые на защиту; определены теоретическая и практическая значимость диссертации; приведены сведения об апробации исследования и его структуре.

Глава 1. Пространственная модель Алтая в Сибирском тексте: вертикаль и горизонталь посвящена исследованию геопозитических образов Алтая, создающих своего рода геометрию художественного пространства.

Параграф 1.1. Дерево и гора: вертикальная организация художественного пространства раскрывает «вертикальную» составляющую образа Алтая. С древнейших времен дерево и гора мыслились как варианты Мировой оси, поэтому в данном параграфе они рассмотрены вместе.

---

³⁵ Татьяна Богумил: о жизни и судьбе поэта-имажиниста Вадима Шершеневича / интервьюер В. Н. Токмаков // Телеканал «Катунь 24». 2023. 25 января. URL: <https://katun24.ru/projects/intervyu-dnya/717383> (дата обращения: 31.05.2023); Богумил Т. А. Образ Чуйского тракта: какой предстает главная дорога Алтая в литературе // Телеканал «Толк». 2022. 2 декабря. URL: <https://tolknews.ru/telekanal/135693-kakoy-predstaet-samaya-glavnaya-doroga-altaya-v-tvorchestve-pisateley> (дата обращения: 31.05.2023).

Дендрообраз Сибири моделируется как триединство березы, кедра и лиственницы. Все эти деревья выполняли сакральную функцию в верованиях и обрядовых практиках коренных сибирских народов, что нашло отражение в художественных произведениях с выраженной этнографической составляющей. В художественной литературе указанные деревья приобретают дополнительные значения.

В параграфе **1.1.1. Дендрообразы пальмы и березы в геопозитическом освещении** на отталкивании от фразы Вс. В. Иванова, согласно которой в Сибири «не водятся» пальма и береза, рассмотрена геопозитическая семантика деревьев. Пальма (сад) традиционно используется в антитезе «Север – Юг», а также в дихотомиях «дикое – культивируемое», «Старый – Новый мир». Береза участвует в оппозиции «Сибирь – Россия». В этиологических преданиях автохтонов «белое» дерево постепенно стало осознаваться как «русское» (см. В. Я. Шишков «По Чуйскому тракту»). Традиция восприятия березы как географического представителя России была заложена в стихотворениях М. Ю. Лермонтова и С. А. Есенина. В киноповести и фильме «Калина красная» В. М. Шукшина, в противовес утверждению Вс. В. Иванова, береза присутствует на Алтае повсеместно, тем самым снимается противопоставление Сибири и Центральной России, периодически обостряющееся на разных этапах истории.

Реальные и культурные качества кедра как хвойного, вечнозеленого, мощного, плодоносящего, «мужского» дерева обуславливают его сакрализацию в сибирской языческой и русской христианской культурах, чему посвящен параграф **1.1.2. Кедр как центральный дендрообраз Алтайского текста.** Восходящее к средневековью русское название сосны кедровой сибирской – кедр – устанавливает соответствие между Сибирью и Палестиной, Севером и Югом, отражает процесс мифологизации завоеванного пространства в категориях рая / локуса крестных мук. Основные мифологические и мифопоэтические «кедровые» мотивы связаны с представлениями о Мировом древе, Древе жизни, родовом древе, древе поэзии и пр. (Т. Б. Шинжин, К. А. Поклонов, Ю. Я. Козлов, В. М. Башунов). Неизменной является символизация кедра как знака и модели человека, народа, родины, Алтая, Сибири (Г. И. Чорос-Гуркин, Г. Д. Гребенщиков, Б. У. Укачин, И. Я. Зиедонис). Сопутствуют кедру образы зверя (медведь, соболь), птицы (орел), горы (Г. И. Потанин, И. Е. Ерошин). Семантическим двойником сибирского кедра в русской культуре является «главное» дерево европейской части России – дуб (А. А. Черкасов, В. Я. Шишков). Начиная с XX века практика промышленных лесозаготовок приводит к появлению новой, экологической, проблематики (С. И. Исаков, В. А. Чивилихин, В. Г. Распутин, Г. П. Панов).

В параграфе **1.1.3. Лиственница как амбивалентный дендрообраз Сибирского текста** отражено «промежуточное» положение лиственницы в системе

важнейших дендрообразов сибирского художественного пространства. Двойственный статус дерева обусловлен противоречием между его видом и названием: хвойное, но как листопадное. Ботанико-лингвистический казус создает необходимые основания для проявления разного рода семантических оппозиций: гендерных, социально-исторических, геопоэтических, экзистенциальных и пр. (И. И. Катаев, В. Г. Распутин, Ю. Я. Козлов, В. Я. Зазубрин, И. А. Ефремов, С. П. Залыгин). Лиственница может быть связана с универсальными древесными мифологемами (Мировое древо, Древо жизни и смерти, родовое дерево и пр.), однако наиболее отчетливо воплощает базовый концепт Сибири как пространства смертельного испытания: насилия, каторги, ссылки, концлагеря (А. П. Чехов, В. Т. Шаламов, А. И. Солженицын).

Параграф **1.1.4. Литературная монтанистика Алтая** посвящен текстам о горном рельефе региона. Литературная монтанистика Русского Алтая основана на описаниях высокогорных ландшафтов, созданных путешественниками XIX века. Травелоги помимо реалий местности включали аналогии с другими географическими объектами (Швейцарские Альпы, Ливанский хребет, Кавказ), с иным видом художественного дискурса – живописью, с новым типом мироустройства – *terra incognita*. В публицистике XIX века появился мотив духовного преображения и чуда (Алтай = Афон), который оказался особо востребованным в православной литературе рубежа XIX – XX веков. Советская литература подвергла десакрализации алтайский культ гор и Хозяина Алтая, ранее представленный, в основном, в литературе этнографического характера. С 1960-х годов нарастала тенденция неомифологизации гор Алтая. Анализ мифологемы горы на материале краеведческого романа В. Н. Токмакова «Ганец маленьких королей» показал, что неоромантический мир произведения поделен на две реальности: фиктивную (столица) и подлинную (Алтай как земная проекция потусторонней Белой Горы). Значение Горы (*sic!*) в романе основано на универсальных смыслах, связанных с данной мифологемой. За счет своеобразной комбинации этих идей, их конкретной историко-географической и фантастической оформленности автору удалось создать оригинальный образ горы.

Анализ водной и горной составляющей Алтая, представленный в параграфе **1.2. Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы»** показал, что метафорическое осмысление образов реки и горы осуществляется с опорой на биографический опыт автора, актуальный времени написания политический дискурс и мифологические претексты. Мифопоэтика романа строится на архаическом тождестве природы и человека, небесного и земного и вытекающей отсюда взаимозаменяемости воды, крови, молока, меда, вина, расплавленного металла; живого и неживого; переходящего и вечного. «Гора», опора для человека

и социума (семья, мировоззрение, государственный строй и пр.), теряет оформленность и устойчивость, оказывается «водой», опереться на которую не возможно.

В параграфе **1.3. Река и дорога: горизонтальная организация художественного пространства** рассмотрены речные и сухопутные образы, организующие горизонтальный уровень мирообраза Алтая. Река и дорога с древнейших времен отождествлялись, что объяснимо как общей функцией – использованием для перемещения в пространстве, так и визуальным сходством – извилистой графикой пути, очевидной при наблюдении с высоты. Метафорическая оборачиваемость реки-дороги является общечеловеческой культурной универсалией.

В параграфе **1.3.1. Гидропоэтика Алтая: речные образы и мотивы** выявлена и описана традиция семиотизации реки (Катунь, Бия, Обь) и дороги (Чуйский тракт) в литературе об Алтае. Круг акватических и дорожных мотивов и образов базируется на реальных качествах географических объектов, на культурной традиции и на архетипических основаниях. Территориальная прикреплённость преимущественно универсальных смыслов осуществляется благодаря топонимическим маркерам и локальному фольклору, творчески преобразённым в художественной литературе.

В параграфе **1.3.2. Образ Чуйского тракта** прослежено, как парадигма описания главной дороги Алтая была задана путевыми очерками В. Я. Шишкова. Существенно обогатил эту традицию В. М. Шукшин, в художественном мире которого Чуйский тракт играет значительную символическую и композиционную роль, определяет характер героев-шоферов. Семантической доминантой образа является представление о Чуйском тракте как пространстве опасном, испытывающем любовью и смертью. Метафорический образ «Чуйский тракт – страна» входит в историософские модели писателей. На тракте происходит сжатие пространства и времени, взаимоналожение культур. Помимо указанных авторов, см. например, роман «Тропы Алтая» С. П. Залыгина, рассказ М. И. Веллера «Конь на один перегон» и др.

Одной из устойчивых доминант образа Алтая в художественной литературе является эквивалентность Катунь / Чуи и Чуйского тракта. Характеристика этого парного образа осуществлена в параграфе **1.3.3. Речной символизм Чуйского тракта**. Историко-литературная традиция взаимной метафоризации реки, дороги и песни основана на общей для данных образов семантике – моделирование человеческой судьбы в единстве преходящего и вечного (В. Я. Шишков, В. М. Шукшин, В. С. Золотухин, Н. М. Рубцов). Основные образные варианты водного и сухопутного пути – это река слез (в социально-обличительном и индивидуальном контекстах), река крови (в литературе о Гражданской войне). Базо-

вые параметры алтайских рек и Чуйского тракта получают индивидуальное преломление в художественных образах, созданных различными авторами XIX – начала XXI веков.

Глава 2. История освоения пространства Алтая в отечественной литературе посвящена характеристике основных сюжетов Сибирского текста с акцентом на тех из них, которые максимально привязаны к алтайскому пространству. Логика подачи результатов исследования следует дедуктивному принципу от общего к частному: от общесибирских образов, мотивов сюжетов к собственно алтайским.

В параграфе **2.1. Трансформация традиционных сюжетов** прослежены изменения, которые происходили с разного рода традиционными сюжетами (библейскими, фольклорными, жанровыми) при локализации их на Алтае.

В параграфе **2.1.1. Библейские сюжеты в Сибирском тексте** систематизирован и представлен в диахроническом аспекте круг библейских сюжетов, актуальных для Сибирского текста русской литературы. Парадигматичными сюжетами являются: апостольский / миссионерский, христологической инициации, исхода, о блудном сыне. Связанные с Сибирью библейские сюжеты с течением времени подвергались инверсии, религиозная семантика вытеснялась иным содержанием. Ядро, позволяющее объединять эти сюжеты и мотивы воедино, – идея преобразования (себя, другого человека, пространства). Гипотетически, у каждого сюжета есть свой период максимальной продуктивности, сменяемый спадом. Миссионерский сюжет и сюжет христологической инициации актуализировались в XVII веке и были продуктивны до конца XIX века. Сюжет поиска Беловодья, изоморфный исходу евреев из Египта, возник на излете XVIII века и активно существовал до конца XX века. Мотив блудного сына оказался востребованным в середине XIX века в творчестве областников и, позднее, их наследников – младообластников и «деревенщиков». Процессы глобализации и информатизации, стирание пространственных и культурных границ, постепенно делают это сюжет неактуальным.

В параграфе **2.1.2. Житийный канон в текстах о Сибири и Алтае Дмитрия Александровича Пригова** рассмотрены устойчивые смысловые клише, связанные с образом Сибири и Алтая в литературе. Сибирь является локусом смертельных испытаний. Наложение древнерусской и соцреалистической поэтики в пределах одного произведения превращает Сибирь в текст-палимпсест. Приговское «я» проецируется на множество контекстов, один из которых подобен негативному сибирскому опыту протопопа Аввакума. Алтай моделируется как идиллический хронотоп. Двойничество прото-Москвы, Урала, Русского Севера, Калмыкии, Тунгусии, Средиземного моря и Алтая есть частное проявление

характерного для концептуалиста приема тавтологического нанизывания подобных объектов. Дифференциация пространственных объектов оказывается нивелированной их семантическим тождеством. Частное с легкостью оборачивается другим частным, т.к. является одной из форм всеобщего.

В параграфе **2.1.3. Сказочный канон в рассказе В. Я. Бианки «Она»** Алтай также предстает как локус, испытывающий и преобразующий человека. Для выражения этой идеи Бианки потребовалось сближение рассказа с волшебной сказкой, которая выросла из обряда инициации. Рассмотрение инвентаря и порядка функций персонажей произведения устанавливает подобие его строения с типичной сказочной композицией (по В. Я. Проппу). В «алтайских текстах Бианки антагонисты человека (животное, антропоморфная стихия) могут быть прочитаны как воплощение «духа» Алтая.

Специфичный для Сибирского текста сюжет применительно к алтайскому пространству исследован в параграфе **2.1.4. Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина и романе В. Я. Зазубрина «Горы»**. Образ Ермака в прозе сибирского классика почти совсем затмевается образом Степана Разина, воплощающим общенациональный, а не сибирский характер. Единство и полярность казачьих предводителей, их несовпадение во времени и по исторической роли выразилось в творчестве В. М. Шукшина как отцовско-сыновьи отношения персонажей. В «Калине красной» задействован эротико-танатологический аспект сюжета о Ермаке. Ермаков сюжет связан с традиционным мотивом «взятие города = воцарение = свадьба / насилие / блуд», причем в комбинации с мотивом «смерть мужчины от женщины / воды». В контексте темы путешествия речные образы Сибири формулируются при помощи обсценной лексики, что может быть прочитано как реликт символического совокупления с Матерью Сырой Землей. На материале романа советского писателя В. Я. Зазубрина «Горы» о гражданской войне и коллективизации на Алтае прослежена метафоризация гендерной темы посредством животного и растительного семантического кода. Обозначена связь «полового вопроса» не только с личной биографией, но и с национальной историей.

В параграфе **2.2. Утопический дискурс в Сибирском тексте** рассмотрены варианты утопических и антиутопических миров, расположенных где-то в Сибири и на Алтае. Если легендарное Беловодье имело две модификации: «крестьянский рай» и теократия, то иные утопии Сибири преимущественно разрабатывают не оппозицию «тело – душа», а «природа – цивилизация» (варианты: «деревня – город», «аграрное – промышленное»).

В параграфе **2.2.1. Беловодье как алтайский утопический локус и сюжет** прослежен генезис и трансформации самого «алтайского» сюжета. Легенда возникла в конце XVIII столетия в связи с гонениями на старообрядцев после

Раскола и более века выполняла информационно-агитационную функцию, побуждая крестьян к бегству на Алтай и далее. Проникнув в литературу в конце XIX века, Беловодье становится продуктивной мифологемой, задающей проблематику, сюжет и систему образов в художественных произведениях. Сопоставительный анализ повести А. Е. Новоселова «Беловодье» и рассказа В. Я. Шишкова «Алые сугробы» позволил увидеть преемственность текстов на уровне сюжета, бинарной системы персонажей и образов Беловодья. Обнаружено расхождение авторов в решении вопроса о том, стоит ли искать «земной рай» и какова цена этого пути. В культуре последних десятилетий идея «земного рая» выхолащивается, слово «Беловодье» тиражируется, все более отчетливо приобретает статус «ментального продукта» – бренда.

В параграфе **2.2.2. (Анти)утопия в произведениях о Сибири и романе В. Г. Сорокина «Доктор Гарин»** намечена линия преемственности утопической традиции: от утопии прекрасного (индустриально-урбанистического / сельскохозяйственного) будущего к постапокалиптическому ретро-футуристическому (анти)утопическому миру и выходу из него в пространство менее умозрительное и совершенное, но более реальное.

Глава 3. Антрополокальное единство: город и *genius loci* раскрывает «антрополокальное единство» (В. Н. Топоров), возникающее в процессе взаимодействия человека и пространства. Квинтэссенцией антропогенного воздействия на место является город. Результат «гуманизации» ландшафта наиболее ярко представлен в фиксации мифологизированной исторической личности (*genius loci*) на карте местности.

В параграфе **3.1. Семиотика городов Сибири** на основании обзора исторической (Д. Я. Резун), историко-краеведческой и публицистической (П. А. Словцов, Г. Н. Потанин), а также художественной литературы (Л. П. Блюммер, И. А. Куцевский, В. Я. Зазубрин) обозначено, что сибирский городской текст перекликается с Петербургским текстом (город эксцентрического типа регулярной застройки, преимущественно «мужской»), провинциальным текстом (при нивелировании фронтального статуса города). Образные аналогии: ключ, окно, ворота, Сибирские Афины, уголок Петербурга, – встречаются в связи с несколькими городами Сибири. Потенциал развития локусов на территории региона различен. Наиболее выгодно месторасположение города на пересечении водных и наземных путей. Современный город неоднороден с точки зрения застройки, функций и семантики отдельных районов, представляя собой культурный палимпсест. Индивидуальное наполнение инвариантной схемы происходит за счет географической, исторической, мифологической и прочей конкретности того или иного города.

Результаты, изложенные в параграфе **3.1.1. Образы Бийска в художественной литературе** демонстрируют, что становление данного города в общих чертах повторяет историю первых городов Сибири. Изначально это крепость, фиксирующая сдвиг границ русских территорий на Восток (с 1709 года). После 1846 года город перестает быть военно-административным центром и становится местом политической ссылки. Одновременно он превращается в торгово-промышленный провинциальный город, стоящий на стратегически важном торговом пути (Чуйский тракт). Анализ романов В. Я. Зазубрина «Горы», А. М. Родионова «Князь-раб», Л. Е. Улицкой «Лестница Якова», рассказа А. П. Соболева «Тополиный пух» и цикла В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» и др. позволил выявить и описать реестр образов Бийска: военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор. Единого «ядра», помимо объекта описания, объединяющего весь этот, довольно малый по количеству, корпус текстов, не обнаружено. Хотя намечены зоны пересечения семантических сфер. Военный острог и город грязи эквиваленты как пространство битвы антагонистических сил. В сниженном варианте эта антитеза становится оппозицией города и деревни. Острог, будучи точечным воплощением границы, способен как перекрывать контакты, так и обеспечивать их. Большинство выявленных произведений про Бийск принадлежит к жанрам, тесно связанным с внехудожественной действительностью, что свидетельствует о близости литературного образа Бийска с реальным городом. Говорить о наличии Бийского текста в том значении, которое проявил в Петербургском тексте В. Н. Топоров, не представляется возможным.

Город Змеиногорск репрезентирует русский Рудный Алтай в целом. Образу города в литературе посвящен параграф **3.1.2. Повесть П. А. Бородкина «Тайны Змеиной горы» как начало традиции геопозитического осмысления Змеиногорска**. Город на типологическом и генетическом уровне сближается с образами уральских горнозаводских городов (Екатеринбург, Пермь). В исторической повести П. А. Бородкина «Тайна Змеиной горы» (1966) выведена ключевая семантическая оппозиция образа горнозаводского города середины XVIII века. Она видится автором как антитеза «рай (природа) – ад (завод)». На уровне «сверхтекста» реализуется инвариантный для Сибирского текста сюжет перехода от «рая» к «аду» (П. А. Бородкин), и наоборот (А. П. Хейдок). «Змеиная» топонимика актуализирует соответствующую мифологию и образность города, а также змееборческий сюжет, видоизмененный применительно к социальным обстоятельствам. Мифологический Змей становится метафорой начальства (П. А. Бородкин, Е. А. Евтушенко). В современной прозе Змею возвращаются его мифологические функции Хранителя подземных недр, но снимается кон-

фликтность сюжета в пользу партнерства человека и природы (Юстасия Тарасава). В целом, сверхтекст города находится в стадии становления, значительный мифологический и семантический потенциал Змеиногорска ожидает своей реализации.

Параграф **3.1.3. Барнаульский текст русской литературы** посвящен выявлению парадигматичных для городского текста составляющих, связанных с именем, локусом, историей, доминантными точками города. Барнаульский текст по ряду параметров (гидроним, архитектура, этиологический и эсхатологический миф) сближается с Петербургским текстом. Семантический ореол города во многом создается языковой игрой с его названием, особенно продуктивной в творчестве гостей города – В. Высоцкого, А. Вознесенского. Сопоставление пространственной организации романов А. В. Коробейщикова и В. Н. Токмакова позволило выявить инвариантную барнаульскую топику. Система «доминантных точек» Барнаула у обоих авторов практически тождественна. «Осевыми» пространствами, связующими сферы мироздания являются Нагорное кладбище (бывшая ВДНХ), церковь, музей, старый особняк на окраине города. Совпадения ключевых барнаульских мест в обоих романах определяются как реалиями города, так и тождественной медиальной функцией этих локусов в культуре. Тяжелое и великое горнозаводское прошлое символизировали остатки корпусов сереброплавильного завода, пруд и плотина (Г. Д. Гребенщиков, П. А. Бородкин, С. П. Залыгин). Сиюминутная выгода от ликвидации пруда возобладала над исторической ценностью ныне утраченного элемента ландшафта (П. А. Казанский). Ключевой для Барнаульского текста миф о Голубой Даме имеет несколько вариантов: меморат А. А. Черкасова и две литературно обусловленных версии: М. Д. Зверева, М. И. Юдалевича. Универсальные образные конструкции городского текста (город-человек, книга, центр мира, ад, города-двойники) и провинциального текста (оппозиция «столица – периферия») приобретают локальную приуроченность за счет историко-географической и психолого-биографической конкретики.

В параграфе **3.2. Писатель как гений места: В. М. Шукшин и В. Г. Шершеневич** рассмотрены две полярные ситуации взаимодействия художника слова с пространством. Вектор судеб В. М. Шукшина и В. Г. Шершеневича противоположен. В случае с уроженцем Алтая прослеживаются контуры «ломоносовского мифа». Контрастный путь от периферии (малой родины) к центру воплощает успешную жизненную стратегию. У Шершеневича логика обратная: поэт всю сознательную жизнь провел в столице, а умер и погребен в провинциальном алтайском городе. Шершеневич связан с Алтаем только фактом смерти и захоронения, а Шукшин – своей биографией, а также региональными приметами художественного мира и историософским взглядами. Гипотетически, включение

образа известного писателя в локальный свертхтекст определяется не только и не столько его вкладом в литературное освоение какой-либо местности, сколько связью с этим пространством решающих событий его биографии: рождения (В. М. Шукшин) и смерти (В. Г. Шершеневич). Алтайские писатели склонны соотносить литературно-исторические факты, связанные с В. М. Шукшиным и В. Г. Шершеневичем, с собственными творческими и жизненными перспективами.

В **Заключении** подводятся итоги исследования. Изучение образа Алтая в контексте Сибирского текста на материале избранной русской художественной литературы о Сибири преимущественно XX–XXI веков дало возможность прийти к следующим выводам.

Пространственная организация образа Алтая строится по двум координатным осям: вертикальной и горизонтальной. Вертикальная перспектива задается образами деревьев и гор – традиционными вариантами Мировой оси. Наиболее семантически нагруженными деревьями Сибири являются береза, кедр и лиственница, которые играли важную роль в верованиях и обрядовых практиках сибирских инородцев. Береза как «русское» дерево участвует в оппозиции «свое – чужое» в различных ее модификациях (автохтоны – пришельцы, родина – чужбина, деревня – город). Реальные и культурные качества алтайского кедра как вечнозеленого, мощного, плодоносящего, «мужского» дерева соотносят его с палестинским кедром и европейским дубом, а Сибирь / Алтай с Палестиной и Центральной Россией. Кедр в произведениях алтайских писателей выступает знаком и моделью человека, народа, родины, Алтая, Сибири. Лиственница в силу лингвистической неопределенности класса дерева (хвойное, но корень «лист») кодируется и как мужское, и как женское дерево. Дерево сопровождает ситуации, предполагающие ценностное самоопределение героя между полюсами бинарных оппозиций (социально-исторических, геополитических, экзистенциальных и пр.). Лиственница преимущественно воплощает базовый концепт Сибири как пространства страдания и смерти.

Литературная монтанистика содержит сравнения гор русского Алтая с другими (Швейцарские Альпы, Ливанский хребет, Кавказ, Афон), а также сопоставления реальных географических объектов с их живописными аналогами (экфрасисы). Индивидуально-авторские образы алтайских гор варьируют универсальные мифологические мотивы, связанные с данной мифологемой. Гора выступает как локус битвы Добра и Зла, островок спасения в мировом потоке, вместилище подземных сокровищ, пространство инициации (наряду с лабиринтом и пещерой как антигорой), эквивалент дерева / человека / книги и пр.

Горизонтальный вектор пространственного образа Алтая включает акваторические и дорожные мотивы и образы, основанные на реальных качествах объектов, метафорической традиции и мифологических архетипах. Образование Оби в результате слияния Катунь и Бии отражено в литературе при помощи визуального двухцветного образа и антропоморфного мотива – брак/конфликт мужчины и женщины, спор двух женщин. Цвет, звук, характер течения рек в литературе рождает зооморфные, антропоморфные, хронологические метафоры. Хронотоп переправы традиционно связан с кризисом человека, общества. Плавание по реке наделяется авантюрными, гносеологическими, эстетическими функциями. Малые реки, как правило, связаны с темой родины и детства. Универсальные смыслы, связанные с рекой и дорогой, получают конкретизацию за счет топонимических привязок.

Семантической доминантой образа Чуйского тракта является представление о нем как опасном, испытывающем любовью и смертью пространстве. На тракте происходит своего рода сжатие пространства и времени, взаимоналожение культур, что осмысливается в историософских моделях писателей. В литературе сложилась традиция отождествления реки (Катунь, Чуя), дороги (Чуйский тракт) и песни как метафорических вариантов судьбы человека.

Мотивно-сюжетный комплекс, характерный для Сибирского текста, включает в себя библейские и фольклорно-мифологические сюжеты: апостольский / миссионерский, христологической инициации, исхода (поиск Беловодья), о блудном сыне, завоевания женщины-страны. Исконные сюжеты с течением времени трансформировались, мифологическая и религиозная семантика подвергалась инверсии, вытеснению социально-психологической проблематикой, вторичной мифологизации. Сибирь в русской литературе часто мыслится пространством (анти)утопии. Алтай обычно притягивает «райские» коннотации, является локацией Беловодья.

Универсальная историко-культурная модель сибирского города переключается с Петербургским и горнозаводским текстом (город эксцентрического типа плановой застройки, преимущественно «мужской»), с провинциальным текстом. Типичная метафора порубежного города: ключ, окно, ворота. Расположение города на пересечении водных и наземных путей наиболее перспективно для его развития в долговременной перспективе. Индивидуальное наполнение инвариантной схемы происходит за счет локальной мифологии, историко-географического опыта поселения.

История Бийска аналогична истории первых городов Сибири: крепость, место ссылки, купеческий центр, провинциальная глушь. Образы Бийска (военный острог, узилище, город грязи, антитеза деревне, ад-рай, город-медиатор) не

объединены мифологическим или семантическим «ядром», круг текстов о Бийске незначителен по количеству и является преимущественно документально-художественным по качеству, что не позволяет ввести понятие «Бийский текст».

Образы Змеиногорска и Барнаула сближаются с образами уральских горнозаводских городов (регулярный план, плотина и пруд, тяжелый труд рабочих – «ад»). Процесс смыслопорождения инициирован названием города: «змеиный» код актуализирует комплекс соответствующих мифологических образов, мотивов, сюжетов (змееборческий, о хранении сокровищ, теллурический и пр.). Мифологический и семантический потенциал Змеиногорска не реализован в должной мере, городской текст не сформирован.

Горнозаводское прошлое, столичный статус Барнаула, значительное количество произведений, в которых наблюдается системное единство и мифологическое «ядро», позволяют говорить пусть о слабо оформленном, но наличествующем городском тексте. Барнаульский текст аналогичен Петербургскому в силу нескольких обстоятельств: болотистое основание, регулярная застройка, классицистическая архитектура центра, этиологический и эсхатологический мифы, архетип строительной жертвы (легенда о Голубой Даме). Инвариантная система доминантных точек Барнаула включает Гору (Нагорное кладбище, ВДНХ, Нагорный парк), церковь, музей, старинный особняк. В лирике барнаульских поэтов универсальные образные конструкции городского и провинциального текстов конкретизируются за счет историко-географической и психолого-биографической фактуры. Лингвистическая игра с названием города образует его разноплановый семантический ореол.

«Антрополокальное единство» (В. Н. Топоров) писателя и места проанализировано на материале жизни, творчества, литературных портретов В. М. Шукшина и В. Г. Шершеневича. Первый – уроженец Алтая, ментально связанный с родиной, что нашло воплощение в авторской модели мира и человека. Сибирь и Алтай мыслятся им как место сохранения исконно русского национального характера, квинтэссенция России. Не удивительно, что в коммеморативном литературном портрете В. М. Шукшина региональные писатели акцентируют тему землячества, краеведческую значимость писателя, свою преемственность по отношению к нему, а писатели первого ряда ставят во главе угла общероссийское и мировое значение гениального современника. В произведениях барнаульских авторов о В. Г. Шершеневиче доминируют мотивы нежданной и печальной оборачиваемости полюсов «центр – периферия», «слава – забвение», «свой – чужой (иностраный)», «гений – посредственность», «дружба – вражда» с С.А. Есениным. Литературная и жизненная судьба поэта становится прецедентом для размышлений о собственном будущем.

В результате проведенного анализа художественных произведений сложилась структурно-семиотическая модель Алтая в единстве природных и антропогенных составляющих: флоры (деревья), рельефа (горы), гидросферы (реки), образов дороги (Чуйский тракт), городов (Барнаул, Бийск, Змеиногорск), локальных сюжетов. Эта модель включает универсальные образы, мотивы и сюжеты, получающие типологическое и индивидуально-писательское выражение в произведениях.

Представляется перспективным распространить предложенную методологию анализа на мало раскрытые и не задействованные вовсе аспекты образа региона: фауна, флора (кустарники, травы), рельеф (степь), гидросфера (озера), города (Горно-Алтайск), тема золотодобычи, имагологическая проблематика и пр. Перспективы исследования кроются в бóльшем охвате материала с целью расширения проблематики и углубления уже намеченных аспектов темы.

Основные результаты исследования отражены в следующих публикациях:

I. Монографии:

1. *Богумил, Т. А.* Геопоэтика В. М. Шукшина : коллективная монография / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко. Барнаул : АлтГПУ, 2017. 176 с. (авт. вкл. 1,5 п. л.)
2. *Богумил, Т. А.* Литературная мифология Алтая : коллективная монография / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил, Н. И. Завгородняя : науч. ред. Е. А. Худенко. Барнаул : АлтГПУ, 2019. 178 с. (авт. вкл. 4 п. л.)
3. *Богумил, Т. А.* 2.2. Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы» / Т. А. Богумил // Текст и контекст: литературно-культурные связи : монография / под ред. Н. В. Константиновой. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 2021. С. 70–80. (0,6 п. л.)

II. Научные статьи, опубликованные в ведущих периодических изданиях, рекомендованных ВАК РФ:

4. *Богумил, Т. А.* Голубая дама: барнаульский текст и миф / Т. А. Богумил // Сибирский филологический журнал. 2016. № 4. С. 102–108. (0,35 п. л.)
5. *Богумил, Т. А.* Оппозиция «Крым – Сибирь» в творчестве В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // Мир науки, культуры, образования. 2016. № 5 (60). С. 333–334. (0,2 п. л.)
6. *Богумил, Т. А.* Тамбов в художественной географии В. М. Шукшина / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 10-2 (64). С. 16–18. (авт. вкл. 0,2 п. л.)
7. *Богумил, Т. А.* Ермаков сюжет в творчестве В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // Культура и текст. 2017. № 3 (30). С. 117–124. (0,4 п. л.)

8. *Богумил, Т. А.* «Алтайский текст» и литература Алтая: к определению понятий / Т. А. Богумил // *Филология и человек.* 2017. № 4. С.155–164. (0,5 п. л.)
9. *Богумил, Т. А.* Беловодье: легенда, мифологема, бренд / Т. А. Богумил // *Культура и текст.* 2018. № 3 (34). С. 89–102. (0,8 п. л.)
10. *Богумил, Т. А.* Образ Барнаула в поэзии барнаульцев / Т. А. Богумил // *Филология и человек.* 2019. № 3. С. 101–115. (0,8 п. л.)
11. *Богумил, Т. А.* Мифопоэтика автобиографического цикла В. М. Шукшина «Из детских лет Ивана Попова» / Т. А. Богумил // *Сибирский филологический журнал.* 2020. № 2. С. 112–122. (0,6 п. л.)
12. *Богумил, Т. А.* Образ Бийска в художественной литературе / Т. А. Богумил // *Филологический класс.* 2020. Т. 25. № 3. С. 195–206. (0,6 п. л.)
13. *Богумил, Т. А.* Библейские сюжеты в сибирском тексте / Т. А. Богумил // *Проблемы исторической поэтики.* 2020. Т. 18. № 4. С. 331–347. (0,9 п. л.)
14. *Богумил, Т. А.* Лики В. М. Шукшина: Мартин Иден, Гамлет, Степан Разин / Т. А. Богумил // *Актуальные вопросы современной филологии и журналистики.* 2020. № 4 (39). С. 59–65. (0,35 п. л.)
15. *Богумил, Т. А.* Дендрообраз Сибири: лиственница / Т. А. Богумил // *Культура и текст.* 2021. № 3 (46). С. 196–204. (0,45 п. л.)
16. *Богумил, Т. А.* Художественная география В. М. Шукшина / А. И. Куляпин, Е. А. Худенко, Т. А. Богумил // *Культура и текст.* 2022. № 1 (48). С. 90–109. (авт. вкл. 0,35 п. л.)
17. *Богумил, Т. А.* Алтайский текст Виталия Бианки / Т. А. Богумил // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература.* 2022. Т.19. № 2. С. 226–237. (0,6 п. л.)
18. *Богумил, Т. А.* Коммеморативный литературный портрет В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // *Филология и человек.* 2022. № 4. С. 127–140. (0,75 п. л.)
19. *Богумил, Т. А.* «Отсутствующие» деревья в дендрообразе Сибири: береза и пальма / Т. А. Богумил // *Сибирский филологический журнал.* 2023. № 3. С. 156–168. (0,75 п. л.)
20. *Богумил, Т. А.* Мифологема горы в алтайском тексте русской литературы / Т. А. Богумил // *Проблемы исторической поэтики.* 2023. Т. 21. № 3. С. 261–280. (1 п. л.)
21. *Богумил, Т. А.* Литературный портрет В. Г. Шершеневича в творчестве барнаульских писателей / Т. А. Богумил // *Studia Litterarum.* 2023. Т. 8. № 4. С. 182–201. (1,2 п. л.)
22. *Богумил, Т. А.* Мифопоэтика романа В. Я. Зазубрина «Горы»: Эрос и Танатос / Т. А. Богумил // *Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates.* 2023. Том 9. № 4 (36). С. 82–93. (0,6 п. л.)

23. *Богумил, Т. А.* Сибирь как пространство (анти)утопии в творчестве В. Сорокина / Т. А. Богумил // *Филология и человек.* 2023. № 4. С. 204–214. (0,7 п. л.)

III. Публикации в других научных изданиях:

24. *Богумил, Т. А.* Крест как принцип моделирования поэтического мира Л. Мерзликина / Т. А. Богумил // *Русская словесность в России и Казахстане: аспекты интеграции : материалы Второй международной научно-практической конференции / отв. ред. В. И. Габдуллина.* Барнаул : Алтайская гос. пед. акад., 2013. С. 246–254. (0,45 п. л.)

25. *Богумил, Т. А.* Алтайский текст: экология природы и души / Т. А. Богумил // VIII Кирилло-Мефодиевские чтения «Славянское слово в контексте времени» : сб. статей / под ред. З. Я. Селицкой. Ишим : Изд-во ИПИ им. П. П. Ершова (филиал) ТюмГУ, 2016. С. 81–87. (0,35 п. л.)

26. *Богумил, Т. А.* Прогулки по Барнаулу мистическому / Т. А. Богумил // *Геопоэтика писателей Сибири и Алтая.* Барнаул : АлтГПУ, 2016. С. 16–20. (0,2 п. л.)

27. *Богумил, Т. А.* Тамбов на «карте генеральной» В. М. Шукшина / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин // *Тамбов на карте генеральной: социально-экономический, социокультурный, образовательный, духовно-нравственный аспекты развития региона : сб. материалов Всероссийской научной конференции / под общ. ред. В. Я. Никульшина.* Мичуринск : Изд-во Мичуринского ГАУ, 2016. С. 22–24. (авт. вкл. 0,1 п. л.)

28. *Богумил, Т. А.* Крымский миф в алтайской культуре / Т. А. Богумил, А. И. Куляпин, Е. А. Худенко // *Вопросы русской литературы.* 2017. № 1–2 (39/96–40/97). С. 123–133. (авт. вкл. 0,2 п. л.)

29. *Богумил, Т. А.* Мифогеография В. М. Шукшина: Алтай и его отражения / Т. А. Богумил // *Культура и текст.* 2017. № 1. С. 143–148. (0,3 п. л.)

30. *Богумил, Т. А.* Чуйский тракт в творчестве В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // *Геопоэтика Сибири и Алтая в отечественной литературе XIX–XX веков : сб. науч. статей / отв. ред. А. И. Куляпин.* Барнаул : АлтГПУ, 2017. С. 84–92. (0,45 п. л.)

31. *Богумил, Т. А.* Семантика Чуйского тракта в русской литературе / Т. А. Богумил // *Проблемы исторической поэтики.* 2018. Т. 16. № 3. С. 200–221. (1,2 п. л.)

32. *Богумил, Т. А.* Следы старообрядческой культуры в художественной прозе В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // *Вестник Томского государственного университета.* 2019. № 447. С. 11–17. (0,35 п. л.)

33. *Богумил, Т. А.* Старообрядчество в художественной прозе В. М. Шукшина / Т. А. Богумил // *Алтайский фронт В. М. Шукшина: нравственность, виталь-*

- ность, языковой уклад : сб. статей по итогам I Международного научного форума / под ред. С. А. Манскова, Н. В. Халиной. Барнаул : АлтГПУ, 2019. С. 181–188. (0,4 п. л.)
34. *Богумил, Т. А.* Алое Беловодье В. Я. Шишкова / Т. А. Богумил // Фундаментальные проблемы гуманитарных наук: опыт и перспективы развития исследовательских проектов РФФИ : материалы всероссийской научной конференции с международным участием / науч. ред. Н. А. Матвеева ; отв. ред. Т. П. Сухотерина. Барнаул : АлтГПУ, 2020. С. 298–301. (0,35 п. л.)
35. *Богумил, Т. А.* Алтай в биографии и творчестве В. Я. Шишкова («Алые сугробы») / Т. А. Богумил // Имагология и компаративистика. 2020. № 13. С. 128–140. (0,7 п. л.)
36. *Богумил, Т. А.* Библейские сюжеты в сибирском тексте / Т. А. Богумил // Евангельский текст в русской словесности : сб. тезисов докладов X Всероссийской научной конференции (с международным участием) / отв. редактор И. С. Андрианова. Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2020. С. 296–297. (0,06 п. л.)
37. *Богумил, Т. А.* Образ Змеиногорска в художественной литературе / Т. А. Богумил // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 210–224. (0,8 п. л.)
38. *Богумил, Т. А.* «Персональная модель» В. М. Шукшина как смена объектов самоидентификации / Т. А. Богумил // Творчество Фёдора Абрамова в контексте эпохи : материалы Международной научной конференции «Братья и сёстры в русском доме: творчество Фёдора Абрамова в контексте литературной и общественной жизни XX–XXI веков» / сост., отв. ред. Е. Ш. Галимова. Архангельск : САФУ, 2020. С. 209–218. (0,5 п. л.)
39. *Богумил, Т. А.* Сибирь как антиутопия в дилогии А. В. Рубанова «Хлорофилия» и «Живая земля» / Т. А. Богумил // Сибирский филологический форум. 2020. № 4 (12). С. 64–77. (0,75 п. л.)
40. *Богумил, Т. А.* Беловодье А. Е. Новоселова и В. Я. Шишкова: творческий диалог / Т. А. Богумил // Язык и литература в поликультурном пространстве: проблемы, идеи, тенденции развития : материалы Международной научно-практической конференции. Актобе : Актюбинский региональный университет им. К. Жубанова, 2021. С. 245–249. (0,2 п. л.)
41. *Богумил, Т. А.* Концепт СИБИРЬ в творчестве Дмитрия Александровича Пригова / Т. А. Богумил // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 402–417. (0,85 п. л.)
42. *Богумил, Т. А.* Гидропоэтика Алтая: реки / Т. А. Богумил // Имагология и компаративистика. 2022. № 17. С. 287–315. (1,5 п. л.)
43. *Богумил, Т. А.* Кедр как дендрообраз сибирского текста / Т. А. Богумил // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2022. Т. 24. № 4. С. 233–248. (0,85 п. л.)

44. *Богумил, Т. А.* Горнозаводской пруд Барнаула в художественной литературе / Т. А. Богумил // Региональные столицы России – точки опоры и роста / отв. ред. Н. В. Суржикова. Екатеринбург : Альфа-Принт, 2023. С. 436–438. (0,19 п. л.)
45. *Богумил, Т. А.* Образы сибирских городов в трудах П. А. Словцова и Г. Н. Потанина / Т. А. Богумил // Наука и образование – важнейший фактор развития общества в современных условиях : материалы X международной научно-практической конференции. Караганда : Кент-LTD, 2023. С. 226–228. (0,19 п. л.)
46. *Богумил, Т. А.* Оппозиция «центр – периферия» в произведениях писателей Алтая о В. М. Шукшине и В. Г. Шершеневиче / Т. А. Богумил // Маргиналии – 2023 : сб. докладов, представленных на конференцию «Маргиналии – 2023» в Арзамасе. Москва, 2023. URL: https://ruslang.ru/sites/default/files/2023-04/marginalii2023_tezisy_v28042023.pdf (дата обращения: 15.05.2023). (0,06 п. л.)
47. *Богумил, Т. А.* Региональный текст русской литературы: к методологии исследования / Т. А. Богумил // «Воронежский текст русской культуры»: Литературная критика, театральное рецензирование, литературно-критические журналы : материалы Всероссийской научно-методической конференции (с международным участием) / под ред. Т. А. Никоновой, О. А. Бердниковой, Т. А. Терновой, О. В. Мазуренко. Воронеж : Издательский Дом ВГУ, 2023. С. 19–27. (0,5 п. л.)
48. *Богумил, Т. А.* Речной символизм Чуйского тракта / Т. А. Богумил // География искусства: ландшафтные миры культуры и искусства : сб. статей / отв. ред. и сост. О. А. Лавренова. Москва : ГИТР, 2023. С. 233–240. (0,4 п. л.)
49. *Богумил, Т. А.* Роман-кенотаф В. Н. Токмакова «Сбор трюфелей накануне конца света» / Т. А. Богумил // Алтайский текст в русской культуре : сб. статей / под ред. М. П. Гребневой. Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 2023. Вып. 10. С. 3–7. (0, 3 п. л.)
50. *Богумил, Т. А.* Семиотика городов Сибири: типологический аспект / Т. А. Богумил // Критика и семиотика. 2023. № 1. С. 350–367. (1 п. л.)